

Ты что, до сих пор дрыхнешь? Живо поднимайся! Посмотри, на что ты только что умудрился напортачить? — разбудил Ци Юня громкий и раздраженный голос. Отупевший от сна, он был вынужден разомкнуть веки.

Шумно так. Чего это они?

Ци Юнь окинул взглядом комнату. Обстановка вокруг была совершенно незнакомой. Разве он не упал прямо посреди улицы? — мысленно удивился парень.

Его отец, Ци Вэйго, с мрачным лицом ткнул пальцем в фотографию на газете: Ци Юнь! Ты, будучи омегой, сам потащился увиваться за каким-то альфой да еще и выкинул такую постыдную штуку! Куда мне теперь девать свое лицо?

Зря я тогда послушал ту шлюху, твою мать, и позволил тебе податься в шоу-бизнес! Ты вот так решил прославиться, да? Из-за тебя всю семью Ци опозорили!

Ци Юнь слегка вытаращил глаза, с неверием глядя на стоящего перед ним человека. Разве это не события десятилетней давности? Почему они всплыли снова?

Он опустил взгляд: его собственные руки были совершенно чисты, без единого мозоля. Неужели он... спит?

Ци Вэйго не заметил перемены во взгляде сына — он был полностью поглощен собственным гневом, а брань становилась все грязнее. На пике ярости он высоко занес руку, намереваясь вlepить Ци Юню пощечину.

Раз уж это сон, почему бы ему не пожить разок честно, по собственной воле? Он больше не хочет волочить жалкое существование и терпеть бесконечные издевки.

Ци Юнь и раньше-то терпеть его не мог. Перед смертью этот благоприобретенный папаша не только не оказал ему никакой помощи, но и не преминул пнуть его, когда на него со всех сторон сыпались скандалы, спешно отрещиваясь от любых связей.

Называть его вторым молодым господином семьи Ци было громко сказано — скорее уж он был для них всего лишь удобной грушей для битья, которую лучше бы никому не показывать.

Ци Юнь резко перехватил занесенную руку Ци Вэйго и холодно бросил: Ци Вэйго, умерь свой пыл.

Ци Вэйго, уже разинувший рот для новой порции брани, осекся. В его глазах мелькнуло крайнее изумление: с чего это его привычно помыкаемый, робкий сын сегодня посмел огрызнуться? Да еще и назвать его по имени?

Тот вышел из дома всего лишь купить лекарство, но был мгновенно облеплен сворой бессовестных репортеров, жаждавших запечатлеть каждый миг его падения.

Руки Ци Юня слегка подрагивали, когда он попытался коснуться своего отражения в зеркале. Буря чувств в его глазах грозила выплеснуться наружу.

Из-за легкого расстройства феромонов его приступ сопровождался непрерывной судорожной дрожью во всем теле.

Ци Юнь умер в день своего тридцатилетия.

Но стоило ему рухнуть на землю, как репортеры не только не попытались помочь, а принялись с удвоенным безумием щелкать затворами фотоаппаратов. Так он и скончался прямо посреди улицы от сердечного приступа.

Больше всего на свете Ци Вэйго дорожил своим статусом главы семьи Ци, и раньше стоило ему произнести это имя, как Ци Юнь тут же сжимался в комок, каялся и клялся, что больше никогда не посмеет.

Усмехнувшись, Ци Юнь усилил хватку, заставив Ци Вэйго вскрикнуть от боли.

Смерть его была поистине жалкой.

Однако хватка Ци Юня оказалась на редкость мертвой — Ци Вэйго так и не смог опустить руку.

Лицо парня по-прежнему было покрыто нелепым макияжем, который, кажется, полностью размазался от потоков слез. И все же даже эта потрепанность не могла скрыть его сияющих круглых глаз, позволяя разглядеть, сколь хороши были его природные данные.

Шэн Юаньчэн... При одном упоминании этого имени Ци Юню оставалось лишь горько усмехнуться.

Да ну его, не стоит и вспоминать.

По мере того как буря в душе утихала, его взгляд, полный изумления и сомнений, сменился на спокойный и твердый. Глубоко вздохнув, он отступил от зеркала.

Ци Юнь направился в гостиную. По пути каждый слуга почтительно приветствовал его фразой второй молодой господин, но Ци Юнь отчетливо видел в их глазах затаенную насмешку и презрение.

Он сделал вид, будто ничего не замечает — за последние годы перед смертью он нагляделся на такие взгляды сполна.

В коридоре Ци Юнь столкнулся с выкатившимся из комнаты молодым человеком в инвалидном кресле. Тот с омерзением зыркнул на него.

Ци Юнь с первого взгляда узнал в нем своего сводного брата — Ци Жожаня.

Ци Жожань был на пять лет старше Ци Юня, альфа и законный наследник семьи Ци. В свои годы он должен был жить на полную катушку и наслаждаться свободой, но из-за случайной автокатастрофы оказался прикован к инвалидному креслу, что было поистине жалко.

Завидев Ци Юня, Ци Жожань намеренно направил кресло прямо на него. Ци Юнь мгновенно отдернул ногу — опоздай он хоть на секунду, и его стул непременно переехало бы.

Имя брата означало кротость, но характер у него был далеко не мягким.

На людях, несмотря на инвалидность, он всегда держался учтиво и благородно, являя собой образчик истинного аристократа.

Однако с тех пор, как Ци Юня вернули в семью, этот братец не упускал случая испортить ему жизнь исподтишка. Он то и дело норовил избить или пнуть Ци Юня, зная, что тот — мягкотелый бессловесный дурачок, который не посмеет дать сдачи и проглотит любые побои.

Ци Юнь прекрасно понимал, что Ци Жожань смертельно его ненавидит, опасаясь конкуренции за наследство.

В том, что его собственный отец вышвырнул его на улицу, на добрых девяносто процентов была вина именно этого братца. Он подкупил людей из окружения Ци Юня и заманил его в дом некоего влиятельного человека. Когда Ци Юнь понял, что дело нечисто, было уже поздно — ему пришлось пробиваться наружу с боем и покрытому синяками.

Но стоило ему вырваться на свободу, как его ослепила вспышка бесчисленных камер и окружила толпа заранее предупрежденных желтушников.

Именно Ци Жожань слил прессе те фотографии. Клеймо содержанки и статус любовника женатого человека окончательно уничтожили репутацию Ци Юня, разрушив едва начавшуюся карьеру.

Встретившись с ним вновь, как мог Ци Юнь стерпеть подобное отношение?

Тон Ци Жожаня был предельно враждебным. Зная, что Ци Юнь никогда не смел ему

возражать, он процедил: Ци Юнь, ну ты и прохиндей! Какой-то омега, а побежал увиваться за собственным боссом Шэн Юаньчэном? Ты вообще кто такой по сравнению с ним? На себя-то в зеркало глянул, урод? С чего ты решил, что ты ему сдался? Только потому, что ты мелкая звездочка?

Он презрительно сплюнул: Бесстыжая тварь!

Раньше в таких ситуациях Ци Юнь заливался горькими слезами и пугливо пятился назад.

Но сегодня всё было иначе: Ци Юнь не только не стал пререкаться, но и с тихим, невозмутимым спокойствием уставился прямо на него.

Хотя Ци Юнь не произнес ни слова, в его глазах читалось такое открытое презрение и равнодушие, что Ци Жожань впервые в жизни испытал бессильное ощущение человека, бьющего кулаком по вате.

Он... он что, испугался Ци Юня? С какой стати ему испытывать страх перед этим ничтожеством!

Сообразив это, Ци Жожань попытался заглушить странное чувство и рявкнул: Ты всего лишь безродный ублюдок, и моя матушка проявила милосердие, позволив тебе переступить порог этого дома! А теперь ты смеешь строить мне кислые мины? Пойди посмотри на себя в зеркало, на кого ты похож! Жду не дождусь, когда твоя репутация окончательно покатится к чертям!

Боюсь, такой возможности тебе не представится.

Ци Юнь с силой оперся руками о ручки его инвалидного кресла с таким грохотом, что металл заскрипел под пальцами. Наклонившись к самому лицу Ци Жожаня, он с издевательской усмешкой посмотрел на него.

В конце концов, мне ведь не пристало равняться с калекой, верно, доро-огой братец? — прошептал Ци Юнь ему на ухо, и каждое слово било прямо в цель. — Разумеется, на твои грязные подставы и клевету я тоже не опускаюсь.

С высоты своего роста Ци Юнь окинул его холодным взглядом: Больше я в этот дом ни ногой. Если тебе нравится сторожить выгребную яму в надежде отыскать там золотую жилу — мешать не стану. Так и проживи всю оставшуюся жизнь инвалидом, нянчись со своим креслом!

Не дав Ци Жожаню опомниться, Ци Юнь отвесил ему точно такую же леденящую душу усмешку и, не утруждая себя дальнейшими объяснениями, зашагал к парадному выходу.

Словно желая продемонстрировать Ци Жожаню, как выглядит нормальная человеческая походка, Ци Юнь удалялся с исключительным изяществом.

Его пропорциональные, стройные ноги составляли разительный контраст с атрофированными нижними конечностями Ци Жожаня, годами прикованного к креслу. Это было самое откровенное, унижительное издевательство.

Ци Жожань вытаращил глаза, не веря происходящему. Лишь спустя три секунды до него дошел смысл сказанных Ци Юнем слов.

Раньше этот жалкий ничтожный ублюдок не смел при нем даже дышать полной грудью, раболепствуя до дрожи, — форменный болван.

И этот выродок посмел ему ответить? Да еще и оскорбить?

Лицо Ци Жожаня, и без того перекошенное от злости, теперь посинело. Со всего маху врезав ладонью по подлокотнику кресла, он прошипел сквозь зубы: Тц, шлюха недобитая, пришла сюда раздвинуть ноги, а теперь еще и ломается перед кем-то!

Стоявшие вокруг слуги тоже были ошеломлены. Что это сегодня со вторым молодым господином? Неужели крыша окончательно съехала из-за скандала, раз он впервые в жизни посмел перечить старшему господину?

Ци Юнь уже скрылся из виду, и Ци Жожаню не оставалось ничего другого, как выместить накопившуюся ярость на прислуге. Свирепо зыркнув на зевак, он рявкнул: Чего встали? Живо за работу! На что пялитесь?

Слуги поспешно разошлись, исчерпав лимит на бесплатное зрелище.

Ци Юнь, погоди у меня, я заставлю тебя горько пожалеть о сегодняшних словах! — зловеще прищурился Ци Жожань, и от переполнявшей его ненависти впору было закипеть воздуху.

<http://bllate.org/book/20907/2113789>